

Телеги и возы поскрипывая двигались по сухой земле, приминая траву на не задетых человеком дорогах. Угрюмые, массивные и низкорослые кони похрапывая тащили за собой деревянные конструкции на колесах, монотонно передвигая ноги, покуда люди вокруг шумно галдели, ругались и шутили. Несколько колонн неустанно двигались на юго-восток и вел их Авут, восседавший впереди всех на собственном скакуне.

Прошло уже почти целых две недели со времени разгрома мирийских наемников в решающем сражении на холмистом плато.

Победа досталась тирошійцам пусть и через большие жертвы, но мощная наступательная сила Мира была разбита, их командиры, конечно же не участвовавшие в битвах и наблюдавшие с холмов напротив, сбежали стоило им только понять, что командиры Тироша подловили их, а зажатые войска навряд ли смогут отбить преимущество. За ними бежали и сумевшие вырваться из окружения части армии, покуда остальные наемники массово сдавались в плен и переходили на сторону выигравшей стороны. Наемники дерутся за того, кто больше платит и предоставляет условия лучше конкурентов.

Теперь мелкие стычки происходили повсюду, превратившись из массовых сражений в небольшие столкновения. Мир судорожно собирал наемников, покуда тирошійские командиры перераспределили силы и превратив их в независимые группы с единым лидером во главе – разослали по Спорным землям, на которые имели притязания, обязав докладывать каждые три дня. Одним из таких «капитанов» и стал Авут, своими вызывающими действиями оттянувший часть врагов, проявивший себя в бою, как организатор большей части защиты, разбивший всю конницу и выстоявший в бою с превосходящим врагом в рукопашной. Ну и еще от части вся вина была в том, что все остальные командиры наемничьих отрядов с его фланга были мертвы, а остальные совсем не хотели брать на себя ответственность и лишние проблемы из-за командования обновленным куском армии, состоящим из разношерстной компании наемников, почти со всех концов света. Многие быстро признали главенство капитана «Рубиновых масок» над собой, а некоторые и вовсе начали проситься в отряд. Доверять наемникам Авут не хотел, но после того сражения у них были большие потери, особенно среди новичков и слабосилков, не желавших утруждать себя тренировками как следует даже под давлением со стороны командира.

Таким образом после сражения на плато все Спорные земли превратились в подобие огромной паутины на которой постоянно сталкиваются группы от нескольких сотен, до тысяч человек. Прасет же собрав все выданные ему ресурсы, организовав бойцов, отправился в бой уже через два дня. По пути он со своей мини-армией дважды столкнулся с бежавшими мирийскими наемниками, то пытавшимися реорганизоваться, то попросту отдохавшие в лагере и напивавшиеся практически до беспамятства, думая, что ушли достаточно далеко и искать их никто не будет. Несколько раз Авуту приносил вести специально натренированный сокол, сообщая об приказах изменить маршрут, но трижды он попросту не успевал (один раз из-за стычки с собравшимися и вновь выдвинувшимися на войну несколькими сотнями мирийцев), а дважды ему просто приказывали вновь сменить направление. И вот теперь он вел свою

«армию» на встречу нанятому Миром табуну дотракийцев. Обычная практика в Вольных городах, в случае чего нанять табунщиков, тем самым отдав им заранее дань, если не хочешь возиться, и дав возможность дикарям победить и заработать славу, которой они так кичатся.

Проблема была в том, что никакой вменяемой кавалерии у Авута не было и одних копейщиков против дикого наскока дотракийцев скорее всего оказалось бы мало. Благо стариковские уловки из его родного мира все еще не были исчерпаны.

Да и не было уже времени на размышления, под громкий свист флейты из-за холма впереди выскочила взмыленная, пегая кобыла с тощим пареньком на крупе, что панически размахивал зажатой в руке палкой, с привязанной к ее концу красной тряпкой. Вернувшийся разведчик уже за несколько сотен метров показывал, что враг совсем близко.

-Стоять! – сотряс округу командный вопль Прасета. – Занять позиции! В кольцо, пошевеливайтесь! Живее, увальни, толкайте телеги!

Истошно завопили охотничьи рога, несколько раз продублировали приказы, едущие сзади командиры отделений. Крайняя колонна застыла, а потом ее голова резко сделала поворот, образуя загагулину, идущая рядом с ней разделилась с посередине и разошлась по обе стороны от первой, помогая создать что-то нечто похожее на полукруг. Покуда левая половина круга выстраивалась, под крики и вой лошадей, правая так же медленно округлялась. Люди спрыгивали с повозок, скидывали все тюки, ящики, свертки и прочее, покуда остальные крепили к бортам возов ростовые и обычные щиты, связывали плотно вставшие повозок друг с другом цепями да веревками, и вбивали в небольшие зазоры копье и длинные жерди с заостренными концами. Спешно натягивая кольчугу, Томмен Коготь во всю драл глотку, отдавая приказы лучникам и арбалетчикам, хватавшим боезапас из перевозящих его корзин и сундуков. С громким пытением и хрипом мимо Авута промчалась взмыленная кляча, уносящая всадника в почти заверченный круг из возов.

Бросив взгляд на холмы, за которые все норовило уйти светило, Прасет глубоко вздохнул, наполняя легкие воздухом, а по телу разгоняя энергию, что множеством потоков захватывала мельчайшие поглощенные частицы, вливая их в свои потоки и уносила дальше, в ядро. Мгновенные чувства сразу же ударили по разуму избытком информации, а в потустороннем, духовном, зрении вспыхнули сотни огоньков разумной жизни. Конский и человеческий пот, навоз, запах стали, крови, травы и шкур, наполняли нос, а так же ужасающий топот сотен лошадиных копыт, что не сбавляя темпа неслись по прериям, подгоняемые громкими выкриками грубого дикарского наречия, врывались в ухо.

И вот наконец конструкция была готова – цельный круг из телег и возов, усиленных щитами и ошестинившийся копьями, словно огромная черепаха-еж, или хитиновая змея, покрытая шипами, что свернулась в кольцо. В мире Патриарха такая штука получила название «ползучий форт» и была придумана (как и большая часть военных хитростей) на юге, родине рубленных сосисок, трех четвертей всего алкоголя, шерстяных шапок, самых драчливых мужчин и темпераментных женщин.

Посмотрев на огибающих холм дотракийцев и пришпорив коня, Авут въехал в последнюю

брешь укрытия, тут же закрывшуюся словно нелепые по форме ворота и ошестинившуюся сразу десятком копий. Лучники и арбалетчики взбирались на телеги, прибываясь к зазорам и импровизированным бойницам, покуда все остальные хватили железные крюки на длинных древках, гремели тонкими цепами с грузами и просто готовили мечи с топорами да копьями.

Табун приближался как одна огромная волна из плоти, вздымая пыль и выывая землю. Их яростные, призывные крики и вопли превращались на ходу в завывание одного огромного зверя. Вперед вырвались самые свирепые, их длинные косы развивались за спиной, а мечи – помесь обычного клинка и серпа, блестели на свету и кровожадно целились в сторону «форта».

-Томмен! – рявкнул Авут и один из его приближенных понял.

Коготь вскочил на массивный ящик со стрелами, набившими его до треска, и вскинул свой лук из драконьей кости. Стрела на пару мгновений мелькнула в его пальцах, но тут же с задорным, мелодичным звуком сорвалась в путь, летя по широкой дуге в сторону конников. Пара ударов сердца понадобилась смертельному снаряду, чтобы настичь свою жертву, вонзаясь прямо в ее макушку и та рухнула с коня. Первая кровь была за наемниками и все в их стане радостно взревели, оповещая об этом и зля дотракийцев. Лучники дикарей так же достали свои луки, но стрелу спущенные на ходу, пусть и мастерами всю жизнь оттачивавшими этот навык, бессильно ударились в землю и лишь парочка пущенных достаточно сильно (и теми кто значительно вырвался вперед), глухо ударились о нижнюю часть переднего веза.

Со стороны «форта» выстрелило еще несколько лучников, что обзавелись подобиями луков Томмена, отдав почти всю свою зарплату, или подобрав «по наследству» с трупов менее живучих товарищей, благо таких было всего двое и оба погибли довольно глупо – пойдя напролом, вместо того чтобы использовать орудие, к использованию которых у них куда больше способностей, видимо валирийская кровь разыграла и те с гордостью ринулись на врага. Ну, на вражеские мечи и копья. Почти все стрелы настигли цели и парочка дотракийцев рухнула на землю, под копыта, а на правом крыле рассеянного стада и вовсе произошло столкновение, из-за того что две стрелы удачно угодили в лошадей и те рухнули, кувыряясь и устраивая настоящую кучу.

В любом случае напора дотракийцев это не убавило, их яростный клич разнесся над степью.

Крайне громкое стадо, или скорее безумно шумная и кровожадная толпа – так их мог охарактеризовать Авут, и только Боги ведают как же ему нравилось, что они были его врагами. В нетерпении Прасет вскочил на переднюю телегу, хватая один из запасных луков и с громким хлопком лопнувшей тетивы – запуская смертоносный снаряд в середину толпы, подбивая очередного скакуна в ногу и устраивая безумную вакханалию. С радостным смехом, Авут отобрал у ближайшего наемника копье и воздев его хищный кончик на врага, громогласно захохотал.

-Победа и кровь! Скиньте ублюдков и переломайте им кости!

-Крюки и копья! – взревели другие командиры.

-Победа и кровь!

-Переломим хребет табунщикам!

И обе армии столкнулись. С грохотом и трепетом, те дотракийцы что не смогли осадить своих взбеленившихся коней врезались в высокие борта телег и возов, натываясь на шипы и колья, сотрясая воздух хрустом и криками. Остальные же слово один огромный бушующий поток обходили «форт» по кругу, обтекая его как вода камень. Крюки хватили их и глубоко вцепившись в оголенную плоть, стаскивали прочь из седла, цепи с увесистым грузом шумно гремя ломали кости и пробивали черепа, копыта кололи, а с трели жалами вгрызались, покуда изогнутые мечи и стрелы, умело выпущенные из луков искали свою цель, в большинстве разбиваясь о щиты и борта, но изредка находя цель. И буквально каждый с радостным криком приветствовал смерть другого

Авут уже и думать забыл о том, что он – командир. С радостным смехом Патриарх чуть ли не вываливаясь из-за высоких бортов и ростовых щитов колот и резал своими двумя валирийскими клинками. Своим копытом он успел вспороть глотку одному, ранить в бок другого и насадить сразу двоих, прежде чем древко, скользкое от крови, не выпало из рук. Кровь туманила разум одним своим видом, но запах лишь сильнее распялял жажду. Авут вновь взревел свой боевой клич и его поддержали остальные наемники.

«Форт» был придуман южанами, в мире Прасета, когда их воинственное царство столкнулось с уже тогда разросшейся Империей и ее воинами, закованными в сталь и усаженными на коней. В этом мире они скорее получили бы название рыцари, как в Вестеросе. И переходная крепость, на которой и можно было перевозить так же свои пожитки, раненных и скот, с каждым сражением становилась все неприступней для латников, способных лишь кружить вокруг в бесплодных попытках сломить скрепленное кольцо под ударами защитников «крепости». Только вот дотракийцы не были рыцарями.

Табунщики не носили тяжелую броню, что защищала их, но делала неповоротливыми и их стиль боя явно имел мало общего с тактиками латников, даже по тем обмолвкам, что Авут слышал краем уха. Дотракийцы выскакивали из своих седел, бросаясь на стены, облепливая их словно мошки гнилой фрукт, в попытках добраться до людей за «стенами». Их клинки словно крючья цеплялись за верхние обухи ростовых щитов, покуда настоящие крючья срывали их прямо под ноги огромного стада, несущегося дальше под крики радости, ярости и боли, что смешивались между собой в ужасный хаотичный гром. Не прошло и десяти минут боя, как враг уже смог пробить себе дыру в одной из стен и сейчас между защитниками, вытесненными с обоза и дикарями, один за другим появлявшимся на нем, завязалась ожесточенная сеча. Еще десяток минут и еще один обоз уступил врагу и волна дотракийцев с удвоенной силой хлынула внутрь «форта».

Тут уже не стерпел Авут. Врагов было много, но рубить мимо проезжающих для Патриарха было слишком скучно и вот наконец враг сам пришел к нему. Всего в пять огромных прыжков, словно лань, Авут преодолел не такое уж и маленькое внутренне пространство и с яростным упоением вклинился в начавшую теснить наемников толпу.

С первых же мгновений чаша покачнулась. Клинки мелькнули и вспороли по диагонали грудь первого же дотракийца, решившего оттеснить наемников еще дальше. Мгновение и уже порознь два черных ветра вгрызаются в плоть других дикарей, отсекая конечности и разрезая плоть. Прасет ушел от размашистого удара, что предназначался его лицу, тут же подсекая ногу врага, мощным ударом ноги перемалывая череп упавшего в кашу. Новый враг зазевавшись схватил своим горлом кончик клинка и тут же рухнул с перерубленным животом, в панике схватившись за первую рану. Авут немедля запрыгнул на одну из повозок, расталкивая дикарей и попутно нанизывая подвернувшихся на клинок.

Один из кривых клинков с шумным звоном прошелся по кольчужному боку, другой вспорол штанину, добираясь до плоти, железный ветер посекал щеку, а особо удачливый степняк и вовсе умудрился ударить так, что кроме впившегося в плечо болезненного удара, промявшего стальные кольца, изогнутый кончик изобразил из себя рычаг и вонзился между звеньев на спине.

Но Прасет не отвлекался, продолжая с рыком рубить врагов, вбивая их тела в борта, подбивая и отдавливая ноги, отгрызая подвернувшиеся пальцы и ломая носы и челюсти размашистыми ударами локтей и эфесов мечей. Наемники уже присоединились к нему и вскоре от дотракийцев, закрепившихся на возах, остались лишь единицы, в панике пытавшиеся сбежать или отчаянно вгрызавшиеся в ускользающие крохи победы, бросаясь на тирошийцев. Но никому из тех, кто попал внутрь «форта», не суждено было жить дальше, яростные защитники перемалывали их вихрем стали.

Отпрянув от последнего врага, уже через пару секунд захлебнувшегося кровью от пробитого легкого, Авут огляделся вокруг, выискивая своим внимательным взглядом другое слабое место в обороне. И оно нашлось. Слишком поздно, но все же нашлось.

Рослый дотракиец вскочил на ростовой щит и перехватив устремившееся в него копьё за древко, рассек лицо растерявшегося наемника. Еще через мгновение он уже был на возу, а остальные владельцы древкового оружия, попросту не успевшие отреагировать на угрозу лишились голов всего в пару взмахов. Секундная схватка с обладателем меча, что успел откинуть арбалет закончилась с ожидаемым исходом. Радостным кличем степняк оповестил своих об новой брешии и словно муравьи, выползающие из муравейника, из-за «стены» начали появляться все новые табунщики, тут же вступающие в бой. С радостным воем, Авут устремился на врага.

В кровавом угаре он растолкал толпу наемников, что спешила на подмогу первым линиям и выскочил напрямик на одного из степняков. Одним молниеносным ударом ноги он с размаху перебил голень врага и тут же наколол его заваливающееся тело на клинок. Не останавливаясь, Прасет тут же отбил смертельный удар в голову другой рукой и без церемоний несколько раз жестко опустил меч на дотракийца. Валирийская сталь перебила металл, из которого был сделан «серп» с первого же раза и на землю рухнул порубленный на три части до самого пояса кровоточащий труп. Без усилий скинув первого врага с правого меча, Авут продолжил бой. Он рубил нещадно врагов, как и все наемники вокруг, сражаясь за свою жизнь в этом нелегком состязании, но его мысли были отнюдь не о многочисленных слабосилках, а об их главаре, что не двинулся с места с тех пор, как пошатнул оборону.

Оглушив ударом локтя в нос набросившегося на него дотракийца с ножом и протяжной раной через всю грудь, Авут с педантичностью мясника вонзил в его грудь меч, а потом тут же потянул, почти без сопротивления разрезая еще живого степняка вдоль. Не останавливаясь на достигнутом кровавом шоу, Прасет взмахом обоих мечей с пугающей точностью снес голову следующего табунщика, застывшего из-за жестокого зрелища, развернувшегося прямо перед ним. Кровавый фонтан ударил в стороны, обрамляя лицо Авута алыми каплями. Следующий враг, устремившийся на Патриарха с воем лишился руки и упал с раскроенным черепом, даже не успев осознать этого. Следующий лишился своего кривого клинка, после мощного удара, а затем грудь табунщика пронзил клинок и он рухнул с кровавыми пузырями бугрящимися на губах. Авут замер.

Дотракиец увидел его. Его раскосые черные глаза с затаенным пламенем впились в лицо Прасета и тот поймал взгляд, на пару мгновений завязав незримую борьбу. Незримое всепожирающее пламя, что жаждет битвы, что играло в их очах резко дернулось и превратившись в взметнувшийся гейзер, столкнулось от обеих сторон. Патриарх видел вызов, и он с усмешкой принял его. Они одновременно вскинули мечи, указывая друг на друга и исторгая из глоток призыв остановить сражение. Их слитный рев мистическим образом заглушил бой на одном участке «стены», а еще через пару мгновений все остальные с опаской и непониманием передали приказ товарищам. Бой замер.

Авут не знал принято ли такое у дотракийцев, но действовал по наитию и исходя из традиций его мира, по сути вместе со словами ударив духовной энергией, ошарашивая всех вокруг. Дуэли между командирами и даже генерала были не такой уж и редкостью, только зачастую никто не останавливал всех битвы. Но с другой стороны здесь и не сражение двух многотысячных армий.

Они прошли навстречу друг другу через образовавшиеся из расступившихся людей коридоры, заходя в сформированный кривой круг, раскинув руки, словно приветствующие друг друга старые друзья. Замерев, каждый смерил оппонента цепким взглядом и дотракиец нарушив молчание взревел что-то на своем языке, воинственно вскинув кривой клинок к небу. Его поддержали соотечественники и громкое ржание лошадей. Авут с усмешкой принял и это соревнование.

-Победа и кровь! - проскандировал он, возводя раскинутые руки с мечами к небу. Удивительно слитный крик пары тысяч людей был ему ответом, прокатившимся сокрушительной лавиной. - Подождите пока прикончу этого доходягу парни и мы пойдем громить слабаков из Мира!

-Победа и Кровь! - трубно взревел залитый кровью иббениец, потрясая двумя топорами в компании двух соотечественников. - Шнимай башку конэводу, кптан!

С усмешкой Прасет откинул один из своих черных мечей в сторону замеченных им близнецов. Оставшийся валирийский клинок, мелькнул черным провалом на свету, подставляя грани причудливого «пламенного» рисунка светилу и поблескивая кровавым глазом в виде рубина. Предводитель дотракийцев растянул губы в кровожадной улыбкой и несколько раз демонстративно взмахнул мечом, позвякивая вплетенными в длинную косу колокольчиками. Патриарх кивнул на своеобразную благодарность за проявленное благородство и небрежно показал язык на насмешку в глазах степняка.

Табунщики затопали, их визги и громкое улюлюканье мерно превращалось в некую особую ритмичную мелодию, в то время как выкрики невольничества, ругательства, стук щитов и ляг стали о сталь со стороны наемников был просто жутким, режущим слух набором звуков. Но вместе они создавали лучшую атмосферу для боя, по мнению Авута.

Они сошлись резко и без затей. Да клинка мелькнули, громко разрезая воздух и оба бойца тут же отпрянули. Их ноги медленно потащили напряженные тела по кругу. Резкий рывок и вновь они сошлись. Авут отскочил от яростного взмаха сверху вниз и походя ткнул кончиком клинка в голень дотракийца. Степняк зашипел от боли и кровь побежала у него по ноге, но серповидный клинок резко мелькнул в руке и рассек рукав на предплечье Прасета, легко проходясь по плоти. Не останавливаясь, командир наемников завертелся юлой, взметая полы длинной рубашки и звеня кольчугой; черный клинок описал дугу и с шипением несколько раз пронесся в опасной близости с заюлившим степняком, оставляя на его обнаженном торсе несколько полос. Но дотракиец не мог вечно уворачиваться и резко замерев, табунщик обоими руками парировал следующий удар Авута. Мелькнула черная коса и звеня кольчуги разлетелись блестящим дождем. С рыком Прасет наотмашь зарядил кулаком в лицо нырнувшего к его боку степняка, успевшего удачно рубануть по вмятине в легком доспехе.

С упоением Авут вновь надел на врага, водя клинком по воздуху, словно художник кистью, выписывая смертельную картину, что с натяжкой кто-то мог бы назвать гротескным абстракционизмом. Дотракиец же вертелся из стороны в сторону, его длинные волосы мелькали черным шлейфом и звенели на каждом движении, а арах в его руках метался словно бешеная пчела. Их бой был уродлив и лишен всякой доступной человеку грации, больше напоминая яростную схватку двух бешенных псов в подворотне. Но он приносил упоение.

Оба бойца прищурились, замерев на добрый десяток секунд. Кровь стекала из их порезов и ран десятками маленьких ручейков, пропитывая бурным цветом одежду и оставаясь черными пятнами на траве с землей. Клинки подрагивали в нетерпеливом ожидании крови. Они были равны. Но потом Авут выпрямился, его тяжелый вздох вырвался из легких вместе с небольшим облачком пара и в одно мгновение он сблизился с дотракийцем. Тот вскинул клинок и повел в сторону, намереваясь отвести удар и контратаковать, но все кончилось совершенно не так как ожидалось.

Авут резко остановился, не доходя до степняка жалкие пару шагов, а клинок выскочил из его руки и молниеносным копьём впился в бедро дотракийца, опрокидывая наклоненное в рывке тело прямо под ноги Патриарха. Мгновение и голова табунщика оказалась запрокинута за волосы, открывая взгляд на разбитый и кровоточащий нос. Главарь степняков захрипел, его губы зашевелились, но лишь кровь и сильный свист вырвались наружу. Изогнутые, словно крючья, пальцы второй руки наемника окровавленными тисками сжимали в себе вырванную гортань.

Крики остановились и все люди замерли. Прасет откинул кусок окровавленной плоти прочь и схватив голову мертвеца за подбородок и макушку, резко провернул ее, как крышку у бутылки. С громким треском ломаемых костей и мерзким, хлюпающим звуком рвущейся плоти, Патриарх без видимых усилий оторвал голову своего соперника. Перехватив ее за длинную косу и раскрутив, как пращу, Авут метнул свой ужасающий снаряд под ноги застывших дикарей.

-Кто знает этот язык!? - громко протянул Прасет на тирошійском диалекте. Никто не ответил ему, и он повторил свой вопрос на вестеросском, а затем на мирийском и в конце на валирийском. Послышался одиночный вскрик. - Ты будешь переводить мои слова своему племени! Не упусти и сказанного мной слова! Слушайте меня, славные воины дотраки! Слушайте и думайте! Придите к решению после моих слов! Ведь от этого зависит ваша жизнь!

Молодой степняк спешно и громко переводил, другие передавали в дальние ряды, а Авут говорил. Его голос гремел от переизбытка мощи в теле, пар вырывался изо рта, растрепанная и окровавленная одежда множеством клочков играла на ветру, а кровожадная улыбка и окровавленная по локоть рука в стальных накладках, словно ужасный цветок довершали картину изображавшую воинственного варвара-поработителя, что давал проигравшему племени выбор. Служить или умереть. Любой вариант бы устроил Авута Прасета и потому он не стеснялся в выражениях и словах, улыбаясь и взмахивая мечом, разбрызгивая кровь, чей запах будоражил ноздри.

<http://tl.rulate.ru/book/48855/1223356>